

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ

О.В. Красноярова

ОБ ИСТОКАХ ОНТОЛОГИЗАЦИИ МЕДИА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ М. МЕРЛО-ПОНТИ

Аннотация: в статье рассматривается проблема философского определения медиа как условия существования современного человека. Истоки современной онтологической точки зрения на медиа выявляются в феноменологии Мерло-Понти, при этом медиа определяются как онтологический способ вовлеченности человека в мир. Объясняется статус медиа как вещи и статус как медиальной модальности восприятия мира.

Ключевые слова: философия, онтологизация, медиа, медиальность, бытие-в-мире, феноменальное тело, перцептивное поле, телесность, способ восприятия, среда.

Когда Герберт М. Маклюэн провозгласил знаменитый тезис «средство есть сообщение» (the medium is the message), возникло громадное множество попыток выйти в определении медиа за узкие рамки их материально-инструментального статуса. Ученые стали трактовать медиа не как средство передачи информации (например, техническое средство передачи — телевизор), а как средство реализации информации (соответственно, телевидение — средство выражения значений образов). Таким образом, Маклюэн одним из первых переключил внимание научного сообщества на то, что медиа — это не только средство отражения реальности, но и способ ее восприятия. Ученый рассматривал печатное издание, радио, телевидение как непосредственное технологическое расширение человека, его тела и сознания. Иными словами, средство коммуникации расценивалось им как *средство организации мышления и способ восприятия* окружающего мира. В этом ракурсе также стало фокусироваться внимание философии к медиа как специфически философскому объекту исследования. Поворотным моментом стало то, что на стыке XX-XXI вв. философами медиа начали трактоваться как *среда* человека. В одном из первых российских сборников научных работ, посвященных медиафилософии¹, говорится:

«...медиа не только становятся самостоятельными, но и *единственным*, или, усилив тезис, онтологическим условием существования человека. Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в них самих отсутствует, что только через них передается, проходит, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания»². Итак, в научном исследовании медиа сегодня сместился акцент. Медиа уже не рассматриваются только лишь как фактор опосредующий восприятие реальности (медиа как носители информации и каналы, передатчики информации), они выступают как среда, как условие существования, развития, познания, словом, выступают как онтологические по сути своей. Соответственно вопрос «что есть медиа?» является в поле этих исследований первоочередным.

Можно выделить несколько существующих сегодня подходов к трактовке медиа. Так, В.В. Савчук пишет: «В вопросе о том, всё ли есть медиа, встречаются две позиции. Одна, вслед за Маклюэном, понимает медиа как «extensions of ourselves», то есть любая форма восприятия уже является медиальной, поскольку опосредована нашими органами чувств: “действительность доступна нам всегда только как медиальная конструкция” (Muenkler). Другая же под медиа понимает инстанции, которые предлагают дистанцирование от чувственно-телесного опыта. Например, язык, письмо и все тех-

---

¹ Термин «медиафилософия» (medienphilosophie) впервые был употреблен в одноименной книге (1992) Рудольфа Фитца, затем положение новой дисциплины укрепили труды Франка Хартманна «Медиафилософия» (2000 г.) и Майка Сандботе «Прагматическая Медиафилософия. Обоснование новой дисциплины в эпоху Интернета» (2001 г.).

² Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // МЕДИАФИЛОСОФИЯ. Основные проблемы и понятия / Под ред. В.В. Савчука. СПб: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. С. 10.

нические и культурные средства коммуникации. Дистанция растет от одного вида медиальности к другому. Если речь таит возможность поговорить «по душам», а письмо может быть посланием (в его домаклюдновском смысле), то телефон и Интернет купируют эти возможности»³. Иными словами, один подход рассматривает медиа как средство, инструмент, посредник в передаче информации. И с данной позиции медиа, технически опосредующие восприятие, рассматриваются: а) как фактор дистанцирования от непосредственного физического (телесного) опыта восприятия; б) как форма отражения, репрезентации некой налично данной реальности, и соответственно выстраиваются субъектно-объектные отношения в освоении этой реальности. Другой подход по маклюдновски трактует медиа как расширение человека, в таком случае само восприятие, как пишет В.В. Савчук, *изначально уже медиально*, т.е. вообще любой опыт восприятия реальности медиален, что и подталкивает сторонников этого подхода к онтологизации медиа. Но что более важно с нашей точки зрения в рассмотрении данной ситуации, — этот подход деактуализирует в научной парадигме жесткую схему субъектно-объектного разделения, и в такой трактовке медиа теряют объектно-предметный статус, и начинают рассматриваться в перспективе интерсубъективности. И если мы можем рассуждать об имманентности медиа восприятию, то вполне закономерен вопрос об онтологичности медиа как условия существования человека, т.е. условия познания человеком мира, и здесь познание выступает как «бытие-в-мире».

Традиционно история медиа рассматривается в перспективе дифференциации медиа сначала как формы имманентно присущей человеку (т.е. связанной с его телом и духом), а затем уже как инструмента, замещающего человеческое тело и выражающего во внешнем внутреннее. В первом случае подразумеваются древние обряды и ритуалы, структурированные в ритмах, движениях, жестах, голосовых, речевых, изобразительных (например, татуировки, рисунки на лице и теле, маски) и прочих способах коммуникации с миром и Богом посредством человеческого тела. Причем телесное и духовное здесь были «слиянными», синкретичными. Затем происходит разрыв. И во втором случае это уже аудио, изобразительные способы передачи информации и соответствующие инструменты, музыка и музыкальные инструменты, и, наконец,

такие средства передачи речи как книгопечатание, радио, электронные медиа.

Такой традиционный подход исходит из жесткого различения субъектно-объектных отношений и постулирует таким образом изначальное разделение в истории медиа материального (медиальный инструмент) и интеллектуально-духовного (образ, значение). Соответственно инструментальная форма носит зависимый, прикладной характер, первичная роль в истории медиа за сознанием, конструирующим мир. Медиа здесь всего лишь инструменты, опосредующие опыт, т.е. дистанцирующие чувственно-телесный опыт. Исследования в такой перспективе посвящаются проблемам значений, т.е. содержанию репрезентируемого с помощью медиа, и тому, как это содержание конституируется, конструируется субъектом и как на него влияет. Надо сказать, данной перспективе исследований также не противоречил знаменитый маклюдновский тезис, что медиа есть сообщение, который был принят традиционным социологическим и коммуникативистским научными подходами; однако маклюдновский поворот к проблеме медиа как средству и способу восприятия, получил в коммуникативистике хотя и продуктивное, но достаточно одностороннее развитие, преимущественно в русле изучения эффектов масс медиа. Более широкий подход продемонстрировали постмодернисты во главе с Бодрийяром, которые сосредоточились на проблеме «псевдорéalности», порождаемой медиа, и соответственно на исследованиях, поднимающих в той или иной мере вопрос исторического и онтологического статуса медиа как заменяющих «наличную данную реальность». Тем не менее, считаем, что не этот постмодернистский поворот актуализировал онтологическую точку зрения на медиа. Истоки понимания медиа как онтологического условия существования человека нужно искать не столько в постмодернистских подходах, сколько в ключевых философских направлениях начала прошлого века.

Уже в лингвистическом философском повороте начала прошлого столетия есть определенные истоки понимания медиа как определенного механизма культуры, организующего пространство символов. Медиа уже тогда рассматриваются как способ организации культурных форм познания мира человеком. Классический труд Эрнста Кассирера «Философия символических форм» так или иначе обосновывал вывод, что медиа актуальны как средства познания именно в плане функции символизации, способности к формотворчеству, т.е. в плане духовной культуры. По мысли Кассирера, духовный мир заключается в

³ Савчук В.В. Указ. соч. С. 12.

познании мира через постоянное формотворчество, постоянно протекающее символическое формирование бытия. Ученый пишет: ценность символических форм «состоит не в отражении бытия, а в том, что они могут дать как *средства познания*, в создаваемом ими из самих себя единстве явлений»⁴ (курсив мой — О.К.). Рассматривая символические формы как средства познания, а функцию символизации как всеобщую функцию познания, Кассирер хотя и не употребляет в буквальном смысле понятие «медиа» как инструмента познания, тем не менее, создает почву, на которой становится очевидной необходимость рассмотрения медиа с онтологической точки зрения, также очевидной становится закономерность возникновения современной позиции отношения к медиа как к онтологическому условию человеческого существования. Ведь знак, символ у Кассирера, как отмечают исследователи философии символических форм Кассирера⁵, выступает как *всеобъемлющий медиум*, который дает возможность увидеть практическую жизнь в объективации духа. Как пишет Кассирер, знак-символ выполняет и конституирующую и конструирующую функции («оформление мира» и «формирование мира»).

Почву для обоснования онтологизации медиа как условия бытия человека, фокусирующееся в его познании мира, бытия, создает и теория восприятия. А к рассмотрению феноменологии восприятия нас подталкивает сегодняшнее своеобразное размывание инструментальной определенности понятия медиа, вследствие вывода, что любая форма восприятия уже медиальна по природе своей и соответственно любые вещи доступные органам чувств, т.е. всё вокруг, есть медиа, поскольку всё окружающее мы воспринимаем, а значит коммуницируем. Безусловно, предшествующим, подготавливающим такой этап развития философской трактовки медиа стали труды по феноменологии французского философа Мориса Мерло-Понти, для которого *восприятие* — это онтологически первичный опыт бытия («...вопрос не в том, воспринимаем ли мы в действительности мир, напротив, все дело в том, что мир и есть то, что мы воспринимаем»⁶).

⁴ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. М.-СПб: Университетская книга, 2001. С. 13.

⁵ См. напр.: Свасьян К.А. Философия символических форм Э. Кассирера: Критический анализ / К.А. Свасьян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989; Соболева М. Е. Философия символических форм Э. Кассирера: Генезис. Основные понятия. Контекст / М.Е. Соболева. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

⁶ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. СПб: Ювента; Наука, 1999. С. 16.

При этом очень важно то, что философ мыслит этот опыт не как некий отдельный акт или цепь звеньев, состоящих из отдельных, хотя и последовательных актов восприятия, но как изначальную «сплетенность» вещи, природного мира и субъекта в единую органическую ткань.

Мерло-Понти считал необходимым сделать переакцентацию в философии, он призвал увидеть в человеке не сознание, конструирующее мир, а существо, вовлеченное в мир, соединенное с ним природно, неотделимое от него. Как пишет ученый, мы от начала и до конца соотносимся с миром. Мир «уже тут», еще до нашего анализа, человек живет в мире, и именно в мире он себя познает. Мерло-Понти критикует реализм, сводимый к эмпиризму, и так же подвергает критике «рефлексивную философию», и делает это, по крайней мере, по двум основополагающим причинам. Во-первых: «...заблуждение рефлексивной философии заключается в том, что она полагает, будто мыслящий субъект может поглотить, полностью захватить мыслимый объект, будто наше бытие сводится к нашему знанию»⁷. Мерло-Понти критикует традицию, рассматривающую жизненный опыт как чистый акт конституирующего сознания. Если бы восприятие мира человеком исключительно исчерпывалось работой сознания, мир предстал бы системой прозрачных отношений, «чистых сущностей сознания», но мир непрозрачен, редукцией невозможно достичь прозрачности. Во-вторых, Мерло-Понти не согласен с тем, что рефлексивный анализ так или иначе игнорирует проблему Другого. «До настоящего времени Cogito обесценивало восприятие другого, учило меня тому, что Я доступно лишь самому себе, поскольку Cogito определяло меня через то, что я мыслю о себе самом, что я один и могу этим мышлением обладать, по крайней мере, если брать его в этом предельном смысле. Чтобы слово “другой” не было пустым звуком, необходимо, чтобы мое существование никоим образом не сводилось к осознанию существования, чтобы оно включало также возможность сознания “другого” и, стало быть, мое воплощение в природе и возможность, по меньшей мере, исторической ситуации»⁸. Бытие человека — это его «бытие в мире», его соотношенность с миром, благодаря которому человек сознает свое присутствие не только для себя, но и для другого («мое видение Другого и видение Другим меня»).

⁷ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. СПб: Ювента; Наука, 1999. С. 97.

⁸ Там же. С. 11, 12.

Философ подчеркивает, человек как субъект восприятия не оперирует с «готовым миром», субъект укоренен в мире своим перцептивным полем, поэтому каждое отчетливое восприятие — это опыт такого укоренения в «реальном мире в его специфичности», вовлечения в него, опыт «жизненной коммуникации», диалога. В этом перцептивном поле открывается «слой жизненного опыта», в котором человеку даны вещи, Другой, мир, и это «феноменальный слой опыта субъективности».

Для феноменологии восприятия Мерло-Понти концептуальным является понятие *феноменально-го тела*. Для философа очень важно то, что вещи, движение и пр. воспринимается субъектом не в соответствии с гипотезами, выстроенными разумом, но в соответствии с тем, как человек фиксирует себя в мире, и конкретно с тем положением, которое занимает в нем тело субъекта. Тело позволяет субъекту обрести, как пишет философ, ментальное и практическое пространство, которое выводит «его из его среды и позволяет ее увидеть». Мерло-Понти не приравнивает телесное только к «физиологическому» или только «психологическому», «ибо в живом теле нет такого движения, которое было бы совершенной случайностью с точки зрения психических интенций, и нет такого психического акта, зерно или общая схема которого не содержалась бы в физиологических механизмах»⁹. Телесный опыт человека ученый рассматривает как *феномен*, а не как «психический факт», что характерно было для классической психологии, трактующей тело как научный объект исследования. Соответственно, при классическом подходе это исследование неизбежно становилось сведением телесного опыта к неким универсалиям, что нивелировало, вытесняло опыт жизненного мира в его уникальности и специфичности. Тогда как именно телесное, с позиции феноменологии восприятия, являет дорефлексивный опыт экзистенции. Философ пишет: «Я воспринимаю вещь, поскольку обладаю экзистенциальным полем и поскольку каждый появляющийся феномен притягивает к себе все мое тело как систему перцептивных возможностей»¹⁰.

Таким образом, тело связано интенциональными нитями с миром. По мысли философа, обладать телом означает для живущего *срачиваться с определенной средой*. Отношения тела и среды, отношения тела с вещами и миром подобны отношениям между частями, органами самого тела — они

находятся в живом соединении. Тело, как пишет Мерло-Понти: «не является соединением частиц, каждая из которых пребывала бы в себе, или же переплетением раз и навсегда определенных процессов (...) ибо мы видим, что оно выделяет из себя “смысл”, который ниоткуда к нему не приходит, что оно проецирует его в свое материальное окружение и сообщает другим воплощенным субъектам. Всегда отмечалось, что жест или речь преобразуют тело, но мы довольствовались словами о том, что они развивают или проявляют другую способность — мышление или душу. Упускалось из виду вот что: чтобы смочь эту способность выразить, тело должно, в конечном счете, стать мыслью или интенцией, которые оно для нас обозначает»¹¹. И тело и мышление (одно не отделимо от другого) относятся философом к *феноменам выражения*. Если жест субъекта — это акт выражения интенции того или иного отношения субъекта с миром, иными словами, выражения определенного смысла, то речь, по мысли ученого, также есть жест в его фонетической модальности, и это не облачение «представляемой» мысли в некую форму, эмблему, а само *ее присутствие в осязательном мире*, в «толще бытия». В конечном итоге, теория Мерло-Понти подталкивает нас к тому, чтобы к феноменам выражения отнести медиа как таковые (книга, радиоприемник, телевизор, телефон, компьютер и т.д.). Однако возникает определенное препятствие, если медиа рассматривать исключительно в статусе вещи. Но, во-первых, как пишет философ, воспринимать вещь мы можем, поскольку обладаем перцептивным полем, который по сути есть первичный экзистенциальный опыт (и в этом опыте статус медиа как вещи претерпевает изменения). А во-вторых, отношения тела и среды есть суть процесса непрерывного укоренения субъекта в мире (соответственно говорить о дистанцировании и нивелировании телесного опыта посредством медиа не корректно, не верно). В-третьих, положение тела по отношению к вещи в феноменологической перспективе есть выражение отношения субъекта к миру (выражение его соотнесенности с миром) и отношения к Другому.

Если по традиционному подходу к субъектно-объектным отношениям человеческое сознание использует инструменты отражения и выражения для познания мира с помощью абстракций, идей, а мир для него выступает как объект исследования, соответственно медиа в таком традиционном подходе — именно средство отражения этого абстракт-

⁹ Там же. С. 126.

¹⁰ Там же. С. 408.

¹¹ Там же. С. 256.

ного знания, говоря языком Мерло-Понти, они именно «представления о “готовом мире”». В феноменологии восприятия это субъектно-объектное отношение кардинально пересматривается: «Мир не есть объект, закон конституирования которого я держу в своих руках, мир — это естественная *среда и поле всех моих мыслей и всех моих отчетливых восприятий*»¹² (выделено мной — О.К.). Следовательно, с одной стороны, среда действительно медиальна по природе своей, а с другой стороны, медиа по своей природе есть не отражение, а часть, плоть этой среды, этого поля восприятий. Они — особая модальность восприятия. Словом, медиа в таком случае — не суть акта некоего абстрактного познания субъектом какого-то объекта, но суть акта восприятия, рождаемого в изначальной вовлеченности человека в мир. И *медиа становятся собственно медиальными только в момент акта восприятия*, когда человек, вовлекаясь в мир, охватывает мир, а мир охватывает человека. Иными словами, медиальная природа, к примеру, такого механизма, такой вещи, как фотоаппарат, открывается именно как собственно медиальная (и телесная по Мерло-Понти) только в момент восприятия человеком какой-то «картинки» через визир камеры, а это, говоря языком Мерло-Понти, и есть мгновение восприятия, т.е. мгновение телесной «сращенности» субъекта с миром. А далее уже в фотоснимке это мгновение реализуется как «плоть» этого восприятия, и при этом оно становится уже *пересечением опытов различных восприятий*. Фотоаппарат функционален как медиа только в этот момент контакта субъекта с миром («укоренения» в нем), и он соответственно в этот момент *теряет статус вещи* и становится специфическим способом восприятия, т.е. становится определенной модальностью восприятия. И в конечном итоге, фотоаппарат и фотография существует как *медиум* (средство и сообщение) только в параметрах телесности и перцептивности восприятия.

Когда-то Р. Барт заметил, что бы фото «ни изображало, в какой бы манере ни было выполнено, само фото никогда не видимо, точнее смотрят не на него»¹³. Фотоснимок действительно актуален в пространстве феноменального тела, охватывающего мир вещей, не в статусе вещи, а в статусе медиальности, т.е. как соотнесенность с миром, как реализуемое и перманентно ускользающее в ряду множества других мгновений укоренения в мире.

Барта завораживало в фото постоянное ускользание от рассматривающего человека изображенного на фото объекта. Уловимым, доступным чувствам и восприятию референт становился только тогда, когда наносил укол, рану — «*punctum*», по определению Барта. В таком случае «*punctum*» также осуществлял «виртуальную экспансию» субъекта, рассматривающего фотоснимок. Нам кажется здесь очень примечательным и характерным, то что, говоря об этой «виртуальной экспансии» на примере снимка слепого скрипача-цыгана и мальчика на пыльной дороге, сделанного Кёртишем 1921 г., Барт пишет: «...*всем своим телом* я опознаю местечки, мимо которых проходил во время прежних путешествий по Венгрии и Румынии»¹⁴ (курсив мой — О.К.). Он делает вывод: фотография обретает жизнь, если доходит до «аффективного пласта сознания». «Я в качестве *spectator'a* интересовался Фотографией из-за «чувства»; я хотел углубить его не как вопрос (или тему), но как рану: я вижу, я чувствую, следовательно, я замечаю, рассматриваю и мыслю»¹⁵. Эта трактовка Барта также подталкивает нас к выводу, что фотография действительно медиальна (повторим, медиальность как соотнесенность с миром) в пространстве феноменального поля телесного. «*Punctum*» по Барту, да и вообще феноменология восприятия деактуализируют проблему дистанцирования непосредственного опыта посредством медиа, напротив — в данном случае речь идет об актуализации этого опыта посредством медиа.

Итак, исходя из концептуальных положений феноменологии восприятия, можно сделать вывод, что медиа — это, по сути, вещи (в общей системе Мерло-Понти «Я — Другой — вещи»), которые становятся *медиальными* (и актуальными именно как медиа) *в структуре феноменального тела*.

Так или иначе, рассматривать историю возникновения медиа лишь как определенную замену тела и вытеснение опосредованием непосредственного телесного опыта невозможно и по той причине, что «телесность» акта восприятия неотделима от уникального конституирующего сознания. По выражению философа «эмпирические восприятия» возможны только тогда, когда они «населены» разумом. Мерло-Понти пишет: «Мы не хотим сказать, что понятие мира неотделимо от понятия субъекта, что субъект не мыслит себя отдельно от идеи тела и от идеи мира, так как если бы речь шла лишь о мыслимом отношении, это само по себе означало

¹² Там же. С. 9.

¹³ Барт Р. *Camera lucida* / Р. Барт. М.: Ad Marginem, 1997. С. 14.

¹⁴ Барт Р. *Camera lucida* / Р. Барт. М.: Ad Marginem, 1997. С. 73.

¹⁵ Там же. С. 38.

бы, что сохраняется абсолютная независимость субъекта в качестве мыслителя, и субъект был бы вне ситуации. Коль скоро субъект пребывает в ситуации, коль скоро он и есть не что иное, как некая возможность ситуаций, это значит, что он может реализовать свою самость не иначе, как действительно будучи телом и входя посредством своего тела в мир. Если, размышляя над сущностью субъективности, я нахожу, что она связана с сущностью тела и сущностью мира, это значит, что мое существование в качестве субъективности составляет единое целое с моим существованием в виде тела и с существованием мира и что, в конце концов, субъект, каковым я являюсь, если взять его конкретно, неотделим от этого самого тела и этого самого мира. Онтологический мир и онтологическое тело, которое мы находим в самой сердцевине субъекта, не есть мир в идее или тело в идее, это мир как таковой, сжатый во всеобъемлющем на него воздействии, это тело как таковое в виде тела — познающего»¹⁶.

Если же исходить из плана некоего дистанцирования непосредственного опыта посредством медиа, то в таком случае, надо вновь обращаться к классическому эмпиристскому подходу с его разделением субъекта и объекта, и вынуждены разрывать феноменальное поле, в котором существуют субъект и мир в неразрывной связи. Изначальная роль перцептивного поля в восприятии мира субъектом свидетельствует по мысли Мерло-Понти о том, что субъект в опыте своего восприятия мира никогда не может стать неким сторонним зрителем, поскольку он изначально участвует во всем и «соприсущ» всему. А медиа, как и субъект, всегда есть взгляд, всегда есть ситуация. И взглядом, ситуацией они являются, становятся именно в восприятии субъекта (в пространстве «познающего тела»), становясь таковыми в первый же момент его обращения к ним, т.е. в первом же отчетливо выделяемом акте восприятия. С позиции Мерло-Понти до обращения субъекта к ним они будут оставаться в статусе вещи. Но каждый раз, когда субъект обращается к медиа, они становятся для него некой *ситуацией*, неким *взглядом* и становятся как бы полюсом его личной истории, невзирая на все разрывы его личной и исторической жизни. При этом, взгляд, точка зрения — «это, скорее, возможность проскользнуть в целый мир, чем какое-то ограничение опыта»¹⁷. Поэтому медиа актуальны для субъекта не просто как

объекты, т.е. вещи, но прежде всего как **модальность восприятия и доступ к открытой, бесконечной цепи возможных опытов** (взглядов, ситуаций), суть которых сводится в конечном итоге к опыту открытого диалога, коммуникации с миром и Другими.

Феноменология восприятия, снимая жесткое разделение субъектно-объектных отношений (в которых сознание относится к мыслящему субъекту, а тело к объекту), действительно дает основания для понимания онтологизации медиа (печатное издание, радио, телефон, компьютер и пр.), которые в системе «Я — Другой — мир» теряют статус вещи-объекта (хотя парадоксальным образом и остаются ею), становясь своеобразным полем пересечения опытов восприятий множества субъектов, а значит, *полем диалога*. Приходится признать, что медиа возникли и существуют именно как онтологический способ выражения вовлеченности человека в мир — способ восприятия. Человек посредством феноменального тела получает возможность непосредственной связи с той средой и мгновениями мира, ситуациями, что открываются посредством медиа, он получает возможность своеобразного присутствия в этой среде, этих ситуациях. Словом, медиа актуальны и онтологичны как своеобразная ипостась феноменального тела.

Таким образом, медиа — это не просто вещь, которая позволяет субъекту сообщить или приобщиться, возобновить или завершить чью-то постороннюю интенцию, и тем самым позволяет расширить перцептивные возможности, но медиа, оставаясь вещью в мире, являются так же своеобразным сгущением для субъекта множества модальностей мира. Безусловно, медиа актуальны как сгусток, толща тех восприятий и «интенциональных нитей», что укореняют человека в мире как «воплощенную субъективность», тех нитей, что ежесекундно возникают в самой вовлеченности человека в мир и распадаются в бесконечной множественности, но в то же время всегда существуют в целостности. С позиции феноменологии восприятия медиа — это перманентно открытый для субъекта и постоянно творимый им опыт перцепции, опыт восприятий мира и опыт восприятий в мире, и конечно, опыт трансцендирования. И в конечном итоге, медиа — это, действительно, среда, создаваемая исключительно жизненным общением человека с миром и другими, и не создаваемая ничем иным (!), поэтому и возникает статус их онтологичности в трактовках философов, осмысливающих роль медиа (особенно в современных условиях, когда ученые самых

¹⁶ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. СПб: Ювента; Наука, 1999. С. 517, 518.

¹⁷ Там же. С. 422.

разных направлений и наук говорят о тотальном влиянии медиа на жизнь человека).

Для феноменологии М. Мерло-Понти сущностно, что вовлеченность человека в мир выражается в системе «Я — Другой — вещи», в которой восприятие играет онтологическую роль. И можно сказать, что в этой системе медиа — это те вещи, которые в силу своей медиальной природы существуют как временной и пространственный опыт¹⁸ восприятия человеком мира и как опыт пересечений восприятий. Смысл рождается, как пишет ученый, на пересечении опытов самого человека и на пересечении его опытов с опытами другого, когда они составляют единое целое благодаря возобновлению прошлых опытов в настоящих опытах, а также опыта другого в опыте данного человека. Именно через этот смысл трактуется философом феноменологический мир. «Восприятие подразумевает, что опыт в любой момент может быть согласован

с опытом любого предыдущего и любого последующего моментов, перспектива моего сознания — с перспективами других сознаний, что все противоречия могут быть разрешены, что единичный и интерсубъективный опыты представляют собой цельный текст, лишенный каких бы то ни было пробелов, что нечто неопределенное для меня в настоящий момент будет обязательно определено каким-то более полным знанием, которое предсуществует во всякой вещи или, точнее, и является самой вещью»¹⁹. Для Мерло-Понти идея единства, целостности человеческого опыта является важнейшей позицией феноменологии. Медиа именно в силу своей имманентности человеческому опыту восприятию на протяжении всей истории служат этому единству опыта, реализованному в культурном мире человека. И конечно же, в медиа предсуществует этот всеобъемлющий онтологический опыт медиальности.

Список литературы:

1. Барт Р. Camera lucida / Р. Барт. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с. («Философия по краям»).
2. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык / Э. Кассирер. М.; СПб: Университетская книга, 2001. 271 с. («Книга света»).
3. Костина О.В. Онтологическое измерение коммуникации / О. . Костина // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / Под ред. В.В. Савчука. СПб: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. С. 130-138.
4. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / Г.М. Маклюэн. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с. (Приложение к серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
5. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Г.М. Маклюэн. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. 496 с.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с.
7. Савчук В.В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / Под ред. В.В. Савчука. СПб: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. С. 7-39.
8. Hartmann F. Medienphilosophie. Wien: WUV (UTB), 2000.
9. Sandbothe M. Pragmatische Medienphilosophie. Grundlegung einer neuen Disziplin im Zeitalter des Internet, Weilerswist: Velbrück Wissenschaft 2001.

¹⁸ И временной и пространственный опыт у Мерло-Понти тесно связаны с понятием субъективности.

¹⁹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. СПб: Ювента; Наука, 1999. С. 86.